

УРОКИ ДАМАНСКОГО

О повести Евгения Чирикова «Подвиг острова» («ОК». 2019. № 2)

*Чем ближе март, тем беспокойней ночи
Не потому, что близится весна,
А потому, что в памяти грохочет
Давным-давно прошедшая война.
И в снах моих, наполненных сверх меры
Жестокостью, трагизмом и огнём,
Горят, чадя резиной, бэтээры,
А в них горят друзья мои живьём...*

Геннадий Гулевич. Память

«А В СИБИРИ ВЕСНА...»

Отклик на повесть, которая наверняка никого не оставит равнодушным, хочется начать с нахлынувших воспоминаний.

2 марта 1969-го был обычный воскресный день. Отдыхал город после рабочей недели. Затих громадина машзавод. Только на участках непрерывного производства теплилась жизнь.

После долгой зимы всех невольно охватывало настроение радостного преддверия прихода настоящей, по-сибирски бурной, раздольной весны!

А в это утро...

За тысячи километров от города, на снегу маленького островка дальневосточной реки Усури лежали бездыханными два юргинца-пограничника, два машзаводчанина – Виктор Егупов и Геннадий Давыденко рядом с другими товарищами по оружию, погибшими в смертельной схватке с китайскими маоистами, нарушившими государственную границу СССР.

Мы, журналисты юргинской объединённой – городской и районной – газеты «Свет Ильича», потрясённые случившимся на Даманском, немедленно собрались на редакционную летучку, чтобы обсудить специальный выпуск еженедельной «Молодёжной страницы», посвящённой героям-землякам.

Я разыскал в домашнем архиве эту газетную полосу за 14 марта 1969 года. Она вышла под шапкой: «Их подвиг – пример служения Родине». Краткие очерки, репортаж, стихи, портреты юношей в военной форме... Под впечатлением рассказов участников сражений и родителей погибших у меня сами собой сложились стихи, которые я озаглавил «Никогда не вернётся» и которые затем руководитель городской самодеятельности Степан Янчинский положил на музыку...

Потом станут известны другие имена героев Даманского, в том числе юргинцев, по публикациям в областной и центральной прессе, передачам на радио и телевидении. Будут изданы книги.

И вот в этой копилке сведений о героизме советских солдат полувековой давности приобщилось ещё одно: документально-художественное полотно – повесть нашего земляка-кузбассовца Евгения Чирикова «Подвиг острова». Написана она, по словам автора, на основе публикаций в печати и Интернете, а также по воспоминаниям даманцев.

Повесть состоит из пяти глав, которые в свою очередь делятся на части. Огромное число персонажей! Десятки фамилий, имён, званий, должностей, которые повторяются на разных страницах так, что приходится иногда возвращаться к прочитанному, чтобы не утратить канву повествования. Порой мелькает мысль: «А вот этот герой «тянет» на отдельную повесть о нём – такая яркая у него биография!» Однако автор «Подвига» скован рамками общей картины и вынужден насыщать главы повести лишь биографическими фрагментами-портретами героев.

Но если собранную махину материала было не просто уложить стройно в главы повести, то начать её, говоря «шахматным» языком, с дебюта трагедии, никто автору не мешал. А ведь это – ключевой

момент событий, и мне, как читателю, не первые было бы установить, кто же всё-таки сделал первый ответный выстрел? Младший сержант Бабанский, который, как писали, после внезапной гибели начальника второй заставы Стрельникова не растерялся и возглавил отражение атаки китайцев на заставу? Или первым открыл огонь по врагу всё-таки командир другого отделения – сержант Рабович, погибший смертью храбрых вместе с товарищами своей группы? К сожалению, Чириков передаёт этот очень важный для начала сражения психологический момент «скороговоркой» его участников – водителей БТР Павла Ковалёва и Аркадия Шамова: «Старшего лейтенанта Стрельникова и ещё несколько человек китайцы убили из засады выстрелами в упор. Вслед за ними погибла группа сержанта Рабовича. Героически отстреливался младший сержант Бабанский... Ситуацию спас старший лейтенант Бубенин...».

Удручает неоспоримость жданно-нежданной внезапности вооружённого нападения китайцев на заставу Стрельникова. Ведь предыдущие неравные «кулачные» бои, когда наряды наших ребят избивали «мирные» превышающие числом граждане КНР, должны были насторожить командование округа, отряда, заставы... Ну почему мы всегда ждём, когда нас ударят под дых?

Полыхают подождённые гранатомётами и снарядами китайцев бэтээры с экипажами и пехотой, бьёт армейская китайская артиллерия по позициям наших миномётчиков и танкам со снятым (!) вооружением... А наши артиллеристы, пришедшие на помощь пограничникам, не могут дожидаться приказа «сверху» открыть огонь. Полковник Леонов, начальник Иманского погранотряда, выпросив помощь танкистов, сам садится в танк без боекомплекта, чтобы поугадать врага «бронёй и гусеницами». Но танк с установленным на нём секретным оборудованием прицепа стрельбы на ходу оказывается поражённым – то ли миной, то ли гранатомётом, а сам начальник отряда гибнет от пули. Мало того, танк сразу не смогли отбуксировать в расположение своих войск, даже в одной из попыток потеряли бойца. А потом, скорее всего, стало не до него, и китайцы завладели им в качестве трофея и музейного экспоната.

Всё же автор представляет читателю и другие эпизоды: эпизоды настоящего героизма, мужества и верности присяге (служить Родине, не щадя собственной жизни) наших пограничников и солдат регулярной армии. Не могут не восхитить поведение в бою командиров пограничников Константинова, Косинова, Яншина, Башукова, многих других. А сколько было примеров взаимовыручки!

К сожалению, были и другие случаи...

«Яншин в связи со спасшимся танкистом пережил свои эмоции. Командира экипажа танка младшего лейтенанта, привели в расположение мангруппы.

Поступила команда выводить всех с острова. Младший лейтенант забузил: «Надо быстрее уходить, спасаться, китайцев – просто море!» Его паника дико разозлила солдат. Они бросились на паникёра и просто задушили бы его, если бы подполковник не осадил.

«А зря осадил», – дыша гневом, подумал он потом. Он же тогда не знал, что в этом танке погиб Леонов. И этот младший лейтенант его бросил, оставил в бою советского командира, полковника. Если бы Яншин знал, то, наверно, сам бы порешил этого трусливого танкиста».

Но преобладала решимость наших бойцов и командиров вышвырнуть наглецов-агрессоров с острова. Как известно, против «косоглазенького» нашествия на острове, наряду с «погранцами» – пограничными частями КГБ, действовали подразделения регулярной армии.

Ещё цитата: «Стояли в колоннах 1-й и 3-й батальоны, настроенные по-боевому. Особенно был эмоционален командир 3-го батальона майор Гавриков. Натянутый, как струна, в телогрейке, с автоматом, готовый немедленно броситься на подмогу своему другу Смирнову <...>

Бой разгорался. Никто не струсил. Санинструкторы выносили с поля боя раненых. Многие раненые оставались в строю.

Константинов, вдохновенный и вдохновляющий, в распахнутом полушубке, являл собой классический пример комиссара, словно сойдя с плаката времён героической войны <...>

Он сбросил полушубок и остался в одной гимнастёрке, чтобы видели погоны. В руках – автомат, за голенищами валенок – магазины с патронами. В карманах – гранаты.

– За Родину! За партию! За полковника Леонова! Вперёд-ёд!»

«ТОВАРИЩ ЧЖУ ФУ-ТАН»

Если вспомнить, Великую Отечественную 1941–1945 годов предваряли схватки с японцами в тридцатые годы прошлого столетия. Именно они пытались прощупать крепость наших дальневосточных границ и боевой дух дружественных нам соседей – Китая и Монголии. Мы не забудем смертельные схватки с хвастливыми японскими самураями в районе КВЖД (Китайско-восточная железная дорога, которую мы обслуживали), на озере Хасан и монгольской реке Халхин-Гол. Там дрались отцы и деды советских воинов шестидесятых годов. Так что брать пример Даманца было с кого! Но факт кровавой трагедии на спорном клочке земли и резкой перемены отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой в год двадцатилетия её образования потрясали.

А между тем, найдя вечером средние незаглушаемые волны радиоприёмника, можно было услышать на русском языке из Китая:

165

– Дорогие советские радиослушатели!..

И далее, конечно, шла лживая информация о «советских оккупантах», завладевших чужой территорией – островом Чженьбаодао, то есть Даманским...

Но память не вытравить ложью, не выжгешь огнём гранатомётов... Давно ли мы, детдомовские пацаны, с восхищением смотрели фильм «Стальной солдат», переживая за китайского мальчика-героя, бойца Восьмой народно-освободительной армии Китая? И с каким воодушевлением хором пели: «Русский с китайцем братья навек!» Как же быстро этого мальчика перевоспитали! Не он ли, ввергнутый в горнило Китайской культурной революции, уже будущим студентом Московского университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, демонстративно оправлялся на перроне советской пограничной станции Наушки, сойдя с экспресса Москва – Пекин? И не он ли, призванный затем в армию, добивал раненого русского пограничника, а затем, сев на него верхом, срезал погоны, чтобы похвастать своим сослуживцам «трофеем»? Всё это будет потом. А тогда, в разгар нашей дружбы кузбасский поэт-фронтовик Евгений Буравлёв посвятил стихотворные строки ещё одному китайскому мальчику, по имени Чжу Фу-тан, который, рискуя жизнью, оказал советским солдатам помощь в разгроме японской армии в сорок пятом в Китае. И потом, спустя годы, произошла новая нежданно-радостная встреча поэта-строителя с китайским студентом Московского института, присланного на практику.

И вдруг,

Как десять лет назад:

– Товарищ капитан?

Не сон ли? Верить ли глазам?

– Дружище! Чжу Фу-тан! –

Обнял, к груди его прижал:

– Брат..

Друг..

Да как ты тут?..

– Меня на практику прислал

Московский институт..

Повесть, как уже сказано, начинается по воле автора не с первых выстрелов на Даманском, а с учений Иманского погранотряда под командованием полковника Леонова. Его мотоманёвренная группа (ММГ), которую возглавил подполковник Евгений Яншин, должна была вступить в учебный бой с танковым полком 135-й стрелковой дивизии. В этот момент командование отряда и узнало, что в районе второй заставы, за несколько сот километров от места учений идёт, не учебный, а настоящий бой!..

Нет, отдавать остров китайцам просто так, о чём, по словам автора, говорил ещё за полгода до событий на Даманском полковник Леонов, было нельзя решительно! Ведь мы, советские русские люди, были воспитаны в духе ещё той, довоенной песни:

*Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим...*

Отдать даже клочок своей земли «просто так», «для выравнивания границы», – значит проявить слабость, дать повод для дальнейших претензий, что мы наблюдаем в связи с поползновением японцев в отношении Курильских островов. Не для того наши предки собирали и берегли богатства великой страны.

ПЕРЕСТРАХОВКА ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ

В конце повести автор сухо сообщает о числе погибших в боях на острове «погранцов» и «армейцев»: сорок девять плюс девять. Сколько раненых, контуженных, пропавших без вести и попавших в плен (за исключением одного, потом обменного как труп на труп), неизвестно, но (по опыту войн) их всегда намного больше. Так много это или мало? И могло бы этих безвозвратных и прочих «потерь» (слово-то какое!), утраченных людских жизней, искалеченных и замученных в плену молодых наших парней быть намного меньше? Судя по развязке трагедии, когда Советской армии была дана отмашка сверху, могло! Но наша ствольная артиллерия молчала, когда китайская со своего берега жгла наши слабобронированные бэтээры вместе с экипажами, «не нарушая» границы. Армия стояла в колоннах, в то время как пограничники, намного менее числом китайского стреляющего муравейника, истекали кровью...

166 «Анвар Зайнутдинов направил БТР в самую гушью БТР. Резкий толчок в грудь. «Ранен!». Вдруг он заметил, как двое бойцов упали совсем рядом с бэтээром. Анвар выбрался наружу и пополз к ним. Пули так и гуляли вокруг, взвивали снежную пыль... Он оттащил в безопасное место одного, затем второго.

– Потерпите, скоро придут санитары!

Анвар сделал бросок к своему бэтээру. Секунда – и он будет в люке. В этот миг в борт вошёл снаряд. Взорвался бак с горючим, Анвара обдало соляркой, он факелом вспыхнул... Последнее, что успел, – сорвал с плеча автомат и дал длинную очередь по бегущим навстречу врагам...».

Да нет, было бы несправедливо сказать, что наши военачальники ничего не знали, прозевали... Прилетевший вскоре после боя 2 марта на заставу Стрельникова начальник штаба пограничных войск генерал-лейтенант В. А. Матросов ходил по затихшему лишь на время острову, видел сотни китайских лёжек-запад – не менее трёхсот... А вернувшись в Москву, на вопрос Брежнева: «Что это? Война?» – скромно ответил: «Это пограничный конфликт, Леонид Ильич». Видимо, тоже не решился сказать правду руководству страны и первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Н. С. Захаров, не только побывавший на острове, а переодетый в солдатскую форму, исползавший его... И лишь когда некий генерал Генштаба из сопровождавших Брежнева в поездке в Венгрию сообщил, что пограничники Даманского не-

сут потери, Леонид Ильич распорядился: «Армии – нанести удар всеми средствами! Вышвырнуть оккупантов с советской территории к чертям собачьим!».

В дело были введены «Грады», наследники прославленных в Великую Отечественную «катюш». Когда после их залпов на китайском берегу стали взлетать в воздух все армейские сооружения, а земля гореть, враг убавил прыть и отступил с острова. Произожди это раньше, сколько бесценных жизней наших парней можно было бы сбересть!

Потрясают случаи садизма и зверства китайских солдат. По фактам, отмеченным в повести, а также не вошедшим на её страницы, известно, как маоисты не только добивали наших раненых бойцов, но ещё и глумились над трупами убитых! Начальнику заставы Ивану Стрельникову обезобразили лицо. Виктору Егупову, раненому, воткнули штык в висок. Его земляку-юргинцу Геннадию Давыденко искололи ножом всё тело и отрезали голову...

Автор приводит слова генерала Захарова, который, навестив в госпитале героя боя 2 марта Виталия Бубенина, сказал ему: «Сынок, я прошёл Гражданскую войну, Отечественную, борьбу с оуновцами на Украине. Всё видел. Но такого – не видел!..»

Не могут не взволновать и эпизоды прощания родных погибших, которые прибыли на заставу, чтобы отплакать, отрыдать своих заснувших в гробах вечным сном кровиночек... И никакого дела им нет до того, кто сделал больше, а кто не успел, кто погиб от снайперской пули, а кто от ножа в спину... Одинаково для всех огромное горе... А для нас они все герои независимо от наград – медали или ордена!

Тем не менее не может не возмущать так называемая разрядка на присвоение воинских боевых, подчеркну – боевых наград, исходящая из ЦК партии. Кому лучше знать отличившихся – тем, кто находился рядом с героями, или пухнувшим от высокомерия инструкторам ЦК: сколько их, достойных подвига? Автор приводит даже такой, мягко говоря, некрасивый случай. Младший лейтенант Николай Иванович Попов был представлен к награждению орденом Красной Звезды, но вместо него награду получил... подполковник Зубков, в боевых действиях не участвовавший, но который «поближе стоял к наградным бумагам».

Чтобы скрупулёзно оценить вклад каждого бойца и командира в общий коллективный подвиг даманцев, необходимо научное исследование. Такой задачи автор «Подвига...» явно не ставил перед собой. Но порассуждать на эту тему, думается, не только можно, а даже необходимо. Ведь читатели газет, радио-

слушатели в своём большинстве воспринимали первые сообщения о боях на Даманском с полным доверием журналистам, не вникая в специфику военных действий. И начало схватки 2 марта СМИ того времени обозначили так. Группа пограничников во главе со старшим лейтенантом Иваном Стрельниковым вышла навстречу группе китайских «мирных граждан», нарушивших границу. А когда пограничники приблизились, передний ряд «граждан» расступился, и шедшие на остров «под прикрытием» автоматчики расстреляли в упор пограничный наряд. Увидев такое вероломство китайцев, младший сержант Юрий Бабанский не растерялся и взял руководство оставшимися в живых бойцов (читай – заставы) на себя.

Но, как стало известно позже, рядом с отделением Бабанского оказалась другая группа не растерявшихся пограничников во главе с не менее мужественным, чем Бабанский, сержантом Владимиром Рабовичем. Именно она первой открыла ответный огонь по врагу и почти вся погибла вместе с командиром. Но имя Бабанского уже прогремело на всю страну, его и удостоили высшего государственного отличия – Звезды Героя Советского Союза, хотя, как отмечает автор повести, и не бесспорно... Рабовича же наградили посмертно хорошей солдатской медалью «За отвагу».

По изложенным Чириковым фактам, более высоких наград были достойны и другие участники жестоких боёв на острове 2 и 15 марта.

167

И я согласен с автором повести, когда он говорит: «Подвиги совершаются жертвами и сверхусилиями воли во имя Родины. А Родина, сидящая в кабинетах, бездушно котирует их по своему капризу. Такой дисбаланс рано или поздно, но неминуемо приводит к крушению империй, начиная с падения нравов».

Минуло полвека со дня тех событий в нашей новейшей истории. Полвека спят вечным сном герои Даманского. Много это или мало? Для памяти – мгновение...

Что касается литературного мастерства автора «Подвига», я не стал указывать на мелкие стилистические огрехи. Главное, что я увидел, прочитав повесть, желание Евгения Чирикова сказать правду о тех событиях, показать унаследованный героизм русского солдата, его готовность к самопожертвованию за други своя. И за это ему спасибо!

Виктор ЧУРИЛОВ,
г. Юрга

